

Лея проснулась глубокой ночью, неопределенные призрачные фигуры, образующие искривленную массу массивных деревьев, окружающих ее, простирающихся далеко над небольшой поляной, где она стояла, изогнутые ветви, блокирующие свет далеких звезд.

Когда она посмотрела вниз опять перед ней стояла Мон Мотма, так близко, что Лея могла протянуть руку и взять ее за руку ...

Сухие, мертвые листья шуршали в темноте рядом, и она знала ... она знала, что бродило этой ночью.

"Не смотри."

Прошептала Мон, ее слова превратились в туман в холодном воздухе:

«Не смотри ему в глаза. Если ты не смотришь, он не нападет».

Они остались неподвижными, Лея не сводила глаз с Мон, когда он молча скользнул по поляне, жгучий соболиный мех его коснулся ее ноги так близко

Он преследовал, цепляясь за Лейю, как тень.

И все же ... боясь, что она была, она знала, она знала, что если она не будет смотреть, она не нападет

Сухая ветвь треснула, как сухая кость, и взгляд Мон замерцал ...

"Не смотри!"

Прошептала Лея, не сейчас.

Но Мон посмотрел вниз, расширив глаза, и рычание, которое он выпустил из горла, было диким, до мурашек в теле Леи и укладывающим волосы в конце концов, у нее перехватило дыхание.

Она пролетел мимо нее в пятне, слишком быстро, чтобы проследить, черная на черном в ночных тенях, распущенные волосы Леи вырвались вперед с насилием движение, когда она вздрогнула ...

И Мон пропал.

В одно мгновение нет борьбы, нет шума.

Она просто ... упал в густую тень, хотя Лея знала, что ее захватило.

И Лея осталась одна, постоянный шелест ветра, тянувшийся сквозь высокие извилистые деревья, унося с собой звук его присутствия.

Таяло, как призрак в ночи, тень во тьме, звук ее вой вызвала непроизвольную дрожь во всем теле, шокируя ее пробуждение ...

Чтобы смотреть широко раскрытыми глазами в темноту ее спальных комнат, Хан мгновенно шевелился во сне, прежде чем погрузиться в тишину.

Лея, затаив дыхание, лежала в темноте, медленно собираясь с мыслями, уверяя себя, что это был просто сон, просто очередной сон.

Она перевернулась, натянув покрывало на свою охлажденную кожу, уставшая до костей, но не способная теперь снова погрузиться в сон, зная, что это произойдет, если она это сделает.

Это всегда было в углах ее снов; в уголках ее разума.

Еще с Альдераана.

Какая-то ... стихийная связь, связывающая их вместе, она и черный волк, такие же глубокие, неотразимые и неотразимые, как поворот вселенной.

Это всегда будет там, что бы ни случилось.

Независимо от того, какие убеждения она придерживалась и что отпало, признавала ли она это или отвергала это ... она навсегда останется частью ее.

Это всегда будет там, как тень во тьме.

Шаттл класса «Лямбда» бесшумно скользил по пустоте между двумя Звездными Разрушителями Суперкласса, Почетному Стражу из двенадцати TIE вряд ли нужно так близко к Центральным Мирам. Когда он летел, он медленно вращался вокруг своей оси, чтобы скорректировать свой путь по отношению к бесподобному SSD, который поддерживал положение при повороте на двадцать градусов к SSD Executor.

Как правило, для двух военных кораблей в непосредственной близости было обычной практикой поддерживать синхронную ось, а меньший корабль вращался, чтобы соответствовать более высокому рангу.

В этом случае оба корабля были флагманами, один из основного флота, а другой - из римского флота, каждый из которых нес своего командующего флотом вождей, так что ни один из них не был готов уступить другому.

Это была тонкая маленькая игра, оба адмирала флота не желали уступать от имени своего собственного СИС, причем не настолько невежливые, чтобы говорить об этом вслух, и если родственники СИС отмечали упрямство, они решили не упоминать об этом.

Таким образом, Вейдер не говорил, поскольку Пирлесс, казалось, вращался в черной пустоте пространства перед ним, оптическая иллюзия, вызванная корректировкой высоты тона и рыскания маленького шаттла класса «Лямбда», на котором он находился, чтобы соответствовать нависающей громаде Разрушителя, далекого, сияющий шар Дуро крошечный по сравнению с замыкающим корпусом массивного Суперзвездного Разрушителя.

Он также не заметил, когда главнокомандующий основным флотом не присутствовал на полном почетном приеме отлично от рядовых войск 701-го, которые выравнивали посадочную площадку даже в кратчайшие сроки, так как присутствие Адмирала основного флота означало, что официальный протокол имел строго соблюдается в теории по крайней мере.

Адмирал Джосс вежливо поклонился лорду Вейдеру, а не приветствовал его, статус Вейдера в Доме Императора превзошел даже его должность главнокомандующего Римского флота.

Однако Джоссу пришлось быстро повернуться, поскольку Вейдер прошел мимо, не признавая: «Лорд Вейдер. Могу я поприветствовать вас на борту от имени Коммандера ...»

"Где он?"

Вейдер зарычал, его бас звучал в кавернозной вешалке.

«Командующий сейчас на Мосту, может быть, вы хотели бы сопровождать меня там?»

Когда он сказал это, адмирал Джосс был вынужден практически бежать, чтобы не отставать от Вейдера, который ничуть не замедлил свой темп.

Дверь турболифта открылась на шумный мостик, и на мгновение все глаза поднялись, как и прежде, малейшее беспокойство от присутствия там Вейдера свидетельствует о том, что с их собственным СИС было одинаково трудно справляться, когда на него было настроение.

Вейдер шел вперед без колебаний, не предавая ни волнения, ни предвкушения, которое он всегда испытывал, когда присутствовал Командующий Основным Флотом, повсюду известный только по званию, а не по имени.

Никогда, кроме его имени, у него теперь были другие имена, тщательно выбранные

Императором, и каждое из которых имело цель, как тактическую, так и для его собственного развлечения.

Его дикий джедай, его дикий волк, командующий его флотом, но никогда его собственное имя не было его настоящим именем.

Так мало кто знал об этом сейчас, но в частном порядке Вейдер решил сослаться на него.

Чтобы напомнить ему, кто он такой, кем был Вейдер, кем они были друг для друга.

Он знал, как неудобно было слышать мальчику, и какая-то игла от этого укололась в собственных воспоминаниях Вейдера о его собственном имени, его собственных секретах, его собственной личности, давно заброшенных в обмен на силу, предлагаемую Тьмой.

Он не хотел, чтобы молодой командующий флотом стоял у дальнего конца моста, и больше всего он чувствовал, что у него есть личная заинтересованность, так как он способствовал его приходу к власти.

Он полагал, что Вейдер был очень наделен правом принимать такие решения от имени молодого человека, несмотря на то, что мальчик обижался на это.

Право решать, чем следует и не следует жертвовать ради большей цели.

И он был готов пойти на многое, чтобы заставить мальчика сделать то же самое, независимо от его собственных желаний или согласия.

Ни то, ни другое не было особенно необходимо в тщательно продуманных планах Вейдера.

Но были некоторые вещи, которые он не пожертвовал бы, и имя мальчика, его личность, его чувство себя, независимости было одним из них.

Все, что он когда-то хотел для себя, теперь Вейдер предназначал для мальчика; власть, положение ... и Тьма предложит это по цене.

Но когда он достиг всего, что Вейдер планировал для него и для самого Вейдера, тогда это было бы на его имя.

Во имя.

Он хотел это для человека; не для Тьмы, которая дала ему силу.

Он хотел этого для мужчины.

Для его сына.

Для Люка Скайуокера.

Теперь он стоял перед широким кругом смотровых окон, разговаривая со своими генералами, хотя он знал, что Вейдер вошел на Мост; почувствовал бы, когда он взошел на борт «Несравненного», даже без постоянных обновлений коммьюника от его тщательно набранной клики верных офицеров.

Вездесущий Мара Джейд повернулся, чтобы взглянуть вниз по главной дорожке к Вейдеру, зеленые глаза горели. Частично телохранитель, частично помощник, конечно же глаза и уши Палпатина, она не любила Вейдера с местью, но это чувство было взаимным. Вейдер оставался обеспокоенным в ее присутствии так близко к своему сыну; на очевидное доверие Люка. Хотя его шпионы сказали ему, что это имеет свои пределы; За прошедший год Люк научился никому не доверять в качестве командующего Основным флотом, и меньше всего из тех, кто был рядом с ним. Но, как и его Мастер Император, он казался великим сторонником старой пословицы: держать своих друзей ближе, а врагов - ближе.

Вейдер взглянул на нее всего на секунду, его глаза неумолимо смотрели на сына. О, он был так похож на Энакина, теперь он был стройным и гибким, сильным и прямым. Он был одет в черное, волосы дикие и распущенные, достаточно длинные, чтобы упасть в мягкие непослушные локоны. Так сильно, как Анакин ...

Абсолютно командующий здесь, на мосту его Разрушителя, вся деятельность сосредоточена вокруг него. Настолько сильно отличающийся от спокойного, идеалистического юношу, которого Вейдер принес Императору почти три года назад, что сделало его всего двадцать один год спустя после Падме ...

Вейдер автоматически нарушил эту мысль, не желая позволить своим воспоминаниям идти по этому пути, вместо этого переключив свое внимание на человека, который теперь наблюдал за ним с такой настороженной враждебностью, такой же упрямой, такой же своевольной и упрямой, какой когда-либо была Падме.

Осознание существования их сына после всего этого времени было одним из самых важных событий в жизни Вейдера. Его решение отвезти мальчика в Палпатин, вызванное отпором Люка в Облачном городе, в ретроспективе, вероятно, было одним из самых плохо продуманных, и он провел последние три года, пытаясь исправить ущерб, нанесенный вмешательством Императора в мальчика. преобразование. Слабый эффект в правде; Палпатин держал своего сына в полной силе, и теперь Вейдер, казалось, ничего не сказал мальчику, его разум был отравлен искусственными манипуляциями его Учителя.

И Палпатин вряд ли собирался уступать и молчать. Сила мальчика была невероятной и все еще развивалась. Ему еще предстояло найти свои пределы, за исключением собственной неуверенности в себе, которую Палпатин попеременно кормил и критиковал, его команда Люка требовала его контроля, но его увлечение силой мальчика заставляло его постоянно проверять свои пределы. Почему Люк еще не бросил вызов своему новому Мастеру, оставалось загадкой для Вейдера; силы мальчика теперь равнялись силам Палпатина, и если Вейдер знал это, Люк тоже должен ... но что-то сдерживало его. Что-то всегда сдерживало его.

Однако рано или поздно Палпатин слишком сильно оттолкнет мальчика, и он отомстит своему Мастеру. Мог ли он убить Императора? Выполнить то, что никогда не было у Вейдера?

Абсолютно. Вейдер имел полную, безоговорочную веру в этот факт, даже если его сын не верил.

Была ли это гордость? Можно ли было так чувствовать сына, который называл его отцом, только чтобы напомнить ему о том, как далеко на самом деле была реальность их отношений? Потому что он по-прежнему стремился к своему сыну, стремясь увидеть его на престоле Императора. Разве гордость не была частью этого? Он не любил, Тьма не могла любить. Он любил Падме, а она любила его ... однажды. Но они уничтожили друг друга ... как он уничтожил все ценное в его жизни.

Даже его сын. Он знал, что он не слепой.

Он знал, как полностью он предал Люка, передав его Палпатину, полностью осознавая, что сделает Император, чтобы обратить и контролировать его; что он разорвал бы мальчика на части физически и умственно, чтобы доминировать и обладать, чтобы сделать эту власть своей собственной. Но он дал своему сыну все шансы принять Тьму, которая расширила бы его новые способности, каждый шанс признать и спровоцировать его собственную судьбу, и ему было отказано. То, что осталось Вейдеру, кроме как отвести его к единственному человеку, который мог бы выполнить то, что он не мог, силой, в случае необходимости. Это было ... неожиданно трудно потревожить в своей безжалостной серьезности непредвиденное осложнение.

Кто бы мог подумать, что мальчик будет таким упрямым, таким преданным тем, кто не сделал ничего более благородного, чем использовать его и лгать ему. Палпатин был вынужден потратить долгие, изнурительные месяцы на то, чтобы сломать мальчика, считая необходимым полностью уничтожить его, чтобы построить своего нового сита. И во время этого процесса он очень сознательно разорвал любую связь между отцом и сыном, полностью связав Люка с его новым Учителем. Принимая во внимание его ужасное жестокое обращение, его неустанные манипуляции и грубую идеологическую обработку Палпатином, мальчик должен был быть пустой раковиной, добровольным рабом, ничего не осталось, кроме неуверенного послушания.

Но он поднялся над ним, как феникс из пламени. Даже Тьма не могла его уничтожить.

Вот как он был силен.

Он был единственной ценностью, которую Вейдер когда-либо создал в своей жизни.

И этим ... он гордился

,

Его сын повернулся, на мгновение взглянув на Вейдера, который остановился перед ним. Он возвышался над мальчиком, как и над большинством людей, хотя Люк не был ни капельки испуган. Их сабельный поединок двумя годами ранее в Императорском дворце свел все счета и только через четыре месяца после его обращения выяснил, какую силу Люк уже получил от своего нового статуса ситхов. Ему нечего было доказывать, меньше всего его отцу.

"Лорд Вейдер". Он коротко кивнул в знак подтверждения.

Он никогда не упоминал своего отца как такового публично, еще одну из маленьких

манипуляций Палпатины, все ссылки на личность Люка были удалены из публичных записей, заменены намеками, слухами и неправильными указаниями.

Мальчику не особо хотелось их исправлять; он давно оставил свою старую жизнь, хотя Вейдеру он казался столь же не вовлеченным в свою новую. Он прошел через движения, как требовалось, но очень как и его отец, он остался явно не вовлеченным в суд и махинации и силовые игры дворцовой жизни, избегая их, когда это было возможно, в пользу своего участия в флоте.

Будучи параноиком, Палпатин все еще умудрялся держать своего нового сита под рукой, однако удерживал его в замке на Корусанте в течение многих долгих месяцев после своего обращения, прежде чем, наконец, дать ему командование Основным флотом. Но даже сейчас, почти три года спустя, ему никогда не разрешали выходить за пределы Ядра и Систем Колоний, которыми он командовал во имя Императора. И даже здесь интересы Люка заключаются не в приобретении и распределении власти, а в сложностях управления, необходимого для поддержания и подчинения огромного разнообразия планет и культур в плотно упакованных Основных Системах, сознательно теряющих себя в мелочах, а не наступающих назад, чтобы признать более полную картину как его положения во флоте, так и его жизни.

«Нам нужно поговорить». Вейдер сказал просто: никогда нельзя откладывать, никогда не находясь в таком положении, когда это необходимо, учитывая его статус.

Бледно-голубые глаза Люка оставались настороженными, пока он долго изучал отца, затем малейшие жесты наклонили голову в сторону, когда он принял запрос и повернулся, направляясь в свою собственную готовую комнату справа от задней части моста. Вейдер последовал за ним, заметив, что Джейд тоже впала в шаг.

Люк вошел в большой серый безликий кабинет и подошел к широкому столу, повернувшись лицом к нависшей фигуре Вейдера, когда Мара Джейд проскользнула в комнату позади них.

,

Люк сегодня носил черное и, видя своего посетителя, сожалел об этом.

Несмотря на то, что Император предпочитал свою внутреннюю элиту, Люк, как правило, предпочитал носить темно-синий, полутени от черного, но, тем не менее, тончайшую независимость, выраженную даже здесь. Безупречный крой его одежды оставался почти, но никогда не совсем военной формой, крошечная полоска белого цвета на высоком воротнике в стойке его пристегнутой куртки с боковым креплением, три верхних застёжки были расстегнуты, придавая более непринужденный вид. На первый взгляд они казались такими незначительными выражениями несогласия, учитывая его позицию, но он придерживался их. Внешность здесь была важна, и он узнал, что в жестко контролируемом мире его Учителя тончайшие расхождения могут вызвать невероятные колебания. Неуловимые PowerPlay и политические уловки и не были его сильной стороной, но он учился.

«У вас есть что сказать, чего нельзя сказать по голонету?» теперь он многозначительно спросил своего отца.

Он изо всех сил старался отбить любые встречи лицом к лицу; все, что он должен был сказать своему отцу, он сказал давно, и именно ему, а не Вейдеру, придется отвечать перед Палпатином, когда он узнает, что они встретились. Что он был там, были два из шпионов

своего Мастера на мосту; фактически три, если в состав Люка входил лейтенант Вез Рис, который давно поменял верность, хотя, конечно, ему все же приходилось сообщать о большинстве дел Люка императору, чтобы избежать подозрений.

Вейдер молчал, только многозначительно повернулся к Маре, которая не впечатлила. Она была одной из немногих, кто знал, что Вейдер на самом деле для него: Люк сознательно отнял у своего Мастера любые махинации, которыми он занимался давным-давно, решив рассказать ей сам. Косвенно, конечно, поступок, кажущийся кратким проскальзыванием, а не осознанным вызовом, который он давно усвоил и на этом уроке. Теперь он немедленно повернулся к Джейд.

«Мара?» он просто пригласил ее, и она вышла из комнаты с малейшим поклоном, явно решив поблагодарить Люка перед его отцом.

Люк подождал, пока дверь не закроется, прежде чем снова заговорить. "Что ж?" Если у его отца не было привычки уклоняться, то Люк вполне мог сравниться с ним.

"Эта комната безопасна?" Спросил Вейдер.

"Конечно."

«В вашем командном штабе новый инфильтрат».

"Вы имеете в виду Ого?" Люк попросил нового офицера безопасности, который был назначен на «Пэрлесс» всего два месяца назад. Конечно, ее запись была безупречна, но записи могли быть подделаны. Люк сделал это сам много раз, чтобы разместить своих шпионов. Вейдер ничего не сказал, но Люк почувствовал небольшое колебание в Силе и был рад, что он смог вернуться с ее именем. «Да, она хороша, но слишком... чрезмерна в своем чувстве долга».

"Тогда почему она все еще здесь?" Вейдер сослался на привычку своего сына, так же, как и его собственную, в принципе устранять нежелательных шпионов, помещенных Императором в наиболее близкие к ним позиции, самым постоянным способом.

«Она полезна для передачи информации по моему выбору в настоящее время. Когда она переживает эту полезность ...» Люк пожал плечами, не двигаясь.

Оба они долго оставались там, где были, Люк знал, что это не то, почему его отец пришел сюда и приготовился ждать его, отказываясь моргать перед этой пустой, блестящей маской.

«Вы играете в очень опасную игру». Наконец сказал Вейдер.

Не желая двигаться, позиция Люка перешла от ожидания к осторожности: «Я всегда играю в опасные игры. На какую вы ссылаетесь?»

«Использование поддельных кодов доступа для тайного вывоза коммюнике из дворца».

Выражение лица Люка изменилось совсем не так, но его мысли теперь кружились; если Вейдер знал, то другие тоже могли бы знать, и ему нужно было поддерживать эту линию контакта. Он посмотрел вниз, обдумывая, надеясь выиграть время или перенаправить отца. "И кто бы ты был достаточно близко ко мне, чтобы знать это?"

«Ненужные». Вейдер заявил категорически, отказываясь быть нарисованным. «Важным фактом является то, что я делаю, и это прекратится».

Это вернуло взгляды Люка на отца, его врожденное упрямство проявилось, хотя оно было, если не освоено, то, по крайней мере, смягчено опытом последних трех лет. «Я так не думаю». решительно сказал он.

Каждая встреча с его отцом была соревнованием в некоторой степени. Иногда он выигрывал, иногда он проигрывал, но он редко отступал без веской причины, что было не в его характере.

Не было это в его отца. "Тогда вы хотите, чтобы я довел это до сведения Императора?"

Люк колебался, отталкивая ледяную вспышку адреналина от этой окончательной угрозы, зная, что наказание за такую подрывную деятельность будет чрезвычайным, но даже до этого он еще не уступал, пытаясь собраться с силами.

По правде говоря, маловероятно, что Вейдер передаст это Императору, если он этого еще не сделал; сделать это сейчас потребовало бы, чтобы он признал, что он подошел к Люку заранее, что их когда-либо параноидальный Учитель посчитал бы проклятым предательством со стороны Вейдера. Палпатин знал, что он разрушает все знания ситхов, держа в руках более одного защитника; история снова и снова иллюстрировала опасности, присущие уравниванию амбиций и борьбе за власть, которая привела к этому, и кровная связь между Люком и его отцом сделала их осторожного Учителя одержимо недоверчивым. Больше всего на свете Палпатин не потерпел бы никакой связи между отцом и сыном; Снова и снова он давал это понять, обычно за счет Люка. Но это безошибочно делает его отец. Это не изменило бы тот факт, что Люк занимался контрабандой незаконных коммюнике, не спасло бы его от гнева Палпатина, но это означало бы, что на этот раз он заберет с собой Вейдера.

"Кому вы передаете информацию?" - потребовал Вейдер, прерывая мысли Люка.

Так что он не знал всего; если он не знал их получателя, то, вероятно, он не знал их содержания, а это означало, что он не взломал их код, возможно, что у него даже не было сообщений, только информация из вторых рук, что они отправлялись.

"Это не твое дело." - просто сказал Люк, небрежно отводя взгляд.

«Все, что ты делаешь, это мое дело». Это было слишком далеко, и Вейдер увидел, как на нем растут клыки его сына, его ледяные голубые глаза сузились ... затем краткий всплеск эмоций прошел, и мальчик спокойно отвернулся, идя за стол, чтобы сесть, его голос был прохладным и мгновенно обострившись, обидевшись, он набрался смелости, чтобы назвать Вейдера блефом.

«Если хочешь отнести это Императору, сделай это». - наконец сказал Люк, сдержанно и ровно.

«Я хочу, чтобы вы прекратили это делать». - повторил Вейдер, не имея настоящего счетчика теперь, когда Люк позвонил ему.

«Что я не собираюсь делать, так что делай, что должен».

Вейдер шагнул вперед, хотя широкий стол не позволил ему подойти слишком близко к его безразличному сыну, его тон был смешным. «Вы не победите его, играя в его собственную игру. Вы играете в его сильные стороны».

"Спасибо за совет." - холодно сказал Люк, не поднимая глаз, глядя на автоматическую запись на его столе. Он не хотел и не нуждался в участии своего отца в его жизни, и он, конечно, не собирался проповедовать человеку, который стоял в тени Императора последние два с половиной десятилетия.

Вейдер уставился на мальчика, его возмущение и раздражение вырвались из него. Он не имел ни малейшего представления о том, как говорить с ним, за исключением того, как он общался со всеми остальными о нем; в качестве военнослужащего или противника кого-либо приказывать и увольнять или запугивать и притеснять, как он считает нужным.

«Я сделал тебя таким, какой ты есть». он утверждал, голос застыл в гневе.

Это подняло глаза мальчика, пылающего обвинением. "Вы ожидаете благодарности?!"

«Я ожидаю уважения». Вейдер хлопнул кулаком по столу, заставляя его содержимое подпрыгнуть.

Его сын лишь крепко улыбнулся, словно удивляясь тому, что он может вселить такое слепое разочарование, и его последний удар еще впереди: «Уважение заработано».

На долю секунды Люк думал, что его отец на самом деле бросится к нему, его собственные мышцы напряглись в ответ, сожалея о том, что сейчас сидит, осознавая уязвимость своего положения. Но тогда он не ожидал, что его слова вызовут такой ответ, и уже сейчас прошептала какая-то неловкая боль, так что именно он опустил взгляд, не в подчинении и, конечно, не в вине, а сожалении, на каком-то уровне.

Он тихо вздохнул, потирая глаза, не зная, что он может чувствовать даже малейший след сострадания к человеку, который не причинил ему ничего, кроме боли и страданий, разочарованный тем, что он позволил себе такую слабость, но совершенно не в состоянии сделать иначе. Такие проблемы, как это, возможно, были самыми близкими, когда его отец когда-либо выражал какое-то чувство защиты своему сыну ... или должен ли Люк открыть глаза и увидеть это таким, какой он был на самом деле; защита его инвестиций, не более того?

«Если вы хотите помочь мне, то скажите мне, кто является наблюдателем лейтенанта Риса». Наконец, тихо сказал Люк, говоря о агенте глубокого прикрытия, размещенном Палпатином, чтобы наблюдать даже за его самыми доверенными агентами, такими как Рис и Мара, оба из которых были навсегда назначены Люку, предположительно помощниками, точнее - шпионами. У Люка был личность наблюдателя Мары, но что более важно, он нуждался в Рисе, и повторные поиски оказались безрезультатными.

Вейдер слегка смягчил свой собственный голос в ответ на голос своего сына, но он не уступал, и не будет, не об этом. «Я не помогу тебе играть в эти глупые, непродуманные игры. Палпатин владеет всем на Корусанте. Он все видит. Ты это знаешь».

«Мы не на Корусанте». Люк сказал спокойно.

"И ты думаешь, это защитит тебя?"

«Нет, я думаю, зная, что мои враги защитят меня». Люк уставился на решительное молчание отца, его собственное разочарование снова начало расти. «Либо помоги мне, либо убирайся с дороги».

Вейдер молчал и не двигался, только питая обиду Люка. В конце концов, именно Вейдер спровоцировал все это.

Это был Вейдер, который привел его к Палпатину, думая, что он мог бы использовать своего собственного сына для решения проблем, которые он не имел силы воли или решимости решить для себя; реализовать все свои цели безо всякого риска и тем самым полностью

разрушить жизнь Люка, не задумываясь ни на минуту. Он не видел своего сына, когда смотрел на Люка, на самом деле он не видел преимущества и стремился использовать его так же, как это делал Палпатин, не задумываясь и не раскаявшись. И пока он не увидел, что он гарантировал контроль, Вейдер всегда оставался двуличным и ненадежным, помогая или мешая своему сыну, поскольку это отвечало его собственным целям, часто ошибаясь на стороне величайшей власти, давая пустую преданность и губную услугу человеку, которого он хотел свергнуть ,

И Люк устал от этого.

Он поднялся, глядя на Вейдера. Никакая маска не могла скрыть от отца глаза. «Это рано или поздно сводится к одному факту; к нему или ко мне. Я не буду делать то, что вы хотите, этого не произойдет. У меня есть свой ум и свои собственные планы и они не похожи на ваши. Но вы все равно в конечном итоге должны будете принять это решение, он или я. Я бы начал обдумывать это, если бы я был вами, потому что однажды вам придется принять сторону. Я без сожаления, ну, будь готов, потому что это идет к тебе сейчас. Что это будет, отец? Сделай выбор ".

Глаза Мары сузились, когда Вейдер вышел из готовой комнаты Скайюкера и покинул Мост, не останавливаясь. Она не удосужилась последовать за ним, адмирал Джосс и Рис уже выходили вперед; все они знали, что Скайюкер станет баллистиком, если узнает, что Вейдеру или кому-либо из его команды было разрешено бродить в одиночку по «Несравненным». Вместо этого Мара повернулась к двери, делая паузу, чтобы постучать, прежде чем нажать на дверцу.

Скайюкер стоял в дальнем конце комнаты, сложив руки за спиной, глядя в пространство. Или так, казалось, она много раз в прошлом увлекалась этим трюком и слишком хорошо знала его, чтобы его обмануть.

Он расположился так, чтобы он мог видеть дверь в отражении прозрачной панели, наблюдая, как она входит. По правде говоря, ему нужно было только призвать Силу, чтобы узнать ее эмоции или намерения, но он использовал этот метод обучения, не обращая в основном к тем, у кого были собственные способности к Силе, и поэтому знал бы, читает ли он их и защищает себя в ответ. Хотя собственное понимание Мары Силы было ограниченным, Император хорошо научил ее тому, как защищать ее мысли. Несмотря на ее подозрения, что он смог прорваться сквозь ее щиты, Скайюкер редко делала это в большей степени из-за вежливости из-за знакомства, чем из всего, что она подозревала, как бы ей ни хотелось в это верить.

Как и Рис, Мара осталась со Скайюкером, якобы действующим как нечто вроде помощников и телохранителей, и она и Скайюкер довольно быстро достигли своего рода неофициального статус-кво, каждый из которых учился действовать в обход ограничений других, причем не настолько невежливо, чтобы это упоминать. прямо к другому.

Первые полтора года своей новой жизни Скайюкер был постоянным испытанием, поочередно вялым и бескорыстным: он в течение нескольких недель, даже месяцев за месяцем копался в одних и тех же трех комнатах в задней части его обширных помещений, а потом и слезами. Дворец, как ворнскр с больной головой, наносит удар по любому, кто подошел близко, когда его вызвал на суд Корт Палпатин, всегда травля и наказывая, провоцируя и наказывая, пока один или другой из них не раскололся и игра не началась заново.

Именно случай его продвижения в армию окончательно утвердил Скайюкера в его новой

жизни, точнее, иногда подозревала Мара, сопутствующие ему свободы. Будучи главнокомандующим Основного флота, Сквакер получил относительно свободный доступ к Корусанту, хотя Император наложил строгое вето на его уход из Ядра и Колоний. По мнению Мары, это было бессмысленное ограничение; во-первых, он путешествовал с Основным флотом, поэтому вряд ли мог принести какой-либо вред, а во-вторых, устанавливая какие-либо ограничения дальше, чем действительный Императорский дворец, был академическим, поскольку, если он намеревался уйти, он доказал, что в самом начале его общения с Императором, что почти ничто не могло остановить его.

Она очень подозревала, что этот шаг на самом деле был просто очередным раундом в вечной игре, в которую Император играл со своими джедаями, хотя в эти дни это были не совсем односторонние дела, которыми они были в прошлом, ставки слегка увеличивались. В то время, когда Скайуокер изучал свое мастерство и своего противника, каждая победа со стороны Императора становилась все труднее. И все же Палпатин всегда получал удовольствие. Он поочередно обожал своего «дикого джедая», накапливая дары и мощь и воздавая ему должное, затем мстил ему, находя недостатки в малейшем проступке, его ртутном характере, его наказании всегда было крайним.

И Скайуокер взял все это с равной дистанции, никогда не принимал участие, всегда бесстрастный и отчужденный, одинаково осторожный в похвале и наказании обоих.

Это было его возмездие его Мастеру, и он знал, что это привело Палпатина в замешательство, и он знал почему; знал особую одержимость своего Учителя. Мара знала, что он не был слепым и, конечно, больше не был наивным. И при этом он не был выше того, чтобы играть на слабость Императоров до определенной степени. Но он оставался вечно далеким и отстраненным, всегда сдержанным, всегда удаленным, хорошо осознавая опасности, присущие игре, в которую он играл.

Потому что в конце концов Палпатин будет разочарован ... и Скайуокер будет терпеть это без протеста, даже подстрекать его, пока это тоже не станет частью конкурса. Родной язык знакомого языка, с которым они оба были пугающе знакомы. Потому что для Люка это означало, что он нанес удар; он вызвал у Палпатина такое же бессильное разочарование, что его Учитель с таким удовольствием наслаждался тем, что причинял другим.

То, что его доказательство этого пришло в форме насильственного возмездия, ни в коей мере не беспокоило его, даже Мара видела это. Он страдал в тот момент, иногда она ужасно видела доказательство, запечатленное на его коже, теперь шрамы на шрамах. Но способность вызывать эту реакцию, какой бы серьезной она ни была, была триумфом, и Палпатина всегда сдерживали для еще одной стычки. Она достаточно хорошо знала своего хозяина, чтобы понять, что это завуалированное напряжение было тем, на чем он процветал; любое взаимодействие с его джедаем было полезным, но это сражение воли стало очарованием, граничащим с зависимостью.

И Скайуокер просто продолжал давить. Отчасти потому, что по своей природе быть упрямым и упрямым, а также потому, что в глубине души Мара подозревала, что, по его мнению, он не заслуживает лучшего. В этом они кормили друг друга.

Мара оставалась прямо внутри двери, неуверенная в настроении Командующего; посещения его отца часто вызывали ртутные колебания между бурлящей яростью и мрачной тоской. Зная, что он следит за ее отражением, она многозначительно оглянулась в ту сторону, в которую только что вышел Вейдер. - Чего он хотел?

«Он лорд Вейдер». Командир исправил, не поворачиваясь, предупреждение Мара, чтобы исправить ее тон, обращаясь к своему отцу. Хотя между ними не было потерянной любви, Мара знала, что Скайуокер не потерпит неуважения со стороны других по отношению к своему отцу.

Она также не преминула заметить, что это был эффективный уклонение от вопроса, и, поскольку Мара не имела полномочий требовать ответа от джедая Императора, если бы он не решил ответить в первый раз, он, безусловно, не хотел не делайте этого, если она попытается перефразировать его и спросить снова. Как оказалось, он даже не дал ей шанс.

«Приведи корабль, чтобы присоединиться к Ярости и Доминанте и возобновить курс на Неймоидию. Изменить расчеты скорости света, чтобы учесть нашу задержку».

"Конечно, командующий." Мара призналась, позволяя моменту уйти; она попробует еще раз позже, когда он будет в лучшем настроении. «Что я должен внести в судовой журнал в качестве причины задержки?»

Он повернулся к ней, явно удивленный нехарактерным отсутствием тонкости в вопросе. Мара была, вероятно, ближе к нему, чем кто-либо еще в его жизни в настоящее время, но между ними все еще были пропасти, измеряемые осторожной дружбой и разделенной верностью. «Правда, Мара. Я уверен, что Император ожидает от тебя не меньше».

,

Люк оставался скрытым в уединении своей готовой комнаты, когда появился Суперзвездный разрушитель, его спутник был виден на короткое время, пока он выстраивался в линию, готовясь к прыжку в гиперпространство, мимолетным мимолетным взглядам TIE, улавливающим острый свет солнца Дуро, затмеваемый массой Звездных Разрушителей, когда они направились к безопасности своих относительных кораблей для прыжка.

Он должен был быть на мостике, но встреча с его отцом оставила его беспокойным и раздражительным, как они, как правило, делали, и выход на мостик теперь только пригласил бы какого-нибудь бедного, нервного неудачника ошибиться под его требовательным взглядом. и обрушить на них гнев Свой. Лучше остаться здесь и охладить его репутацию, достаточно резкую, не подчеркивая ее.

Его Мастер продолжал размещать шпионов в своем Командном Разрушителе, и Люк продолжал играть в бесконечную игру по их удалению, как и когда он считал нужным под видом разочарования по поводу некоторого очевидного провала в их обязанностях, очень подозревая, что его репутация пробежала через него. офицеры флота со скоростью узлов были очень похожи на его отца; замаскированный метод замены шпионов Палпатина его верными новобранцами.

Конечно, были и другие, которых он никогда не удалял. Некоторые из-за преобразованной лояльности, некоторые в вере, что это был лучший дьявол, которого вы знали, и некоторые, которые приобрели некоторую степень неприкосновенности благодаря знакомству. Какой из этих Мара Джейд остался очень под вопросом, это были последние два, которые определили их отношения за последние три года, но Люк все еще давал некоторую отдаленную надежду, что это может стать первым в некоторой степени. Каждая унция рационального интеллекта говорила ему отказаться от этой мысли, но оставалась какая-то крошечная искра убеждения, поэтому он позволил ей так близко, даже зная, что она была информатором своего Учителя, ее ограниченные способности в Силе позволяли ей передавать информацию и получать заказы от Палпатина на удивительных расстояниях.

Он все еще ожидал, что когда-нибудь в будущем ощутит этот резкий всплеск присутствия в Силе, что означало, что его Мастер вступил в контакт, и повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как она подносит нож своего убийцы к его горлу ...

Небольшой выпад желудка, когда искусственная гравитация рвалась, чтобы компенсировать невероятную скорость, ознаменовал прыжок Пирлесс в гиперпространство, когда звезды снаружи пронесли до бесконечности, когда они опередили вялое сопротивление света. Люк тупо смотрел в пустоту, совершенно не тронутый зрелищем, которое он представлял себе сотню тысяч раз в детстве, все еще запертым в сухих пустынях Татуина. Татуин прошел долгий и долгий путь отсюда, измеряя потерянные души и разбитые мечты, а не светлые годы и парсек ...

Он быстро отвернулся, осознавая, что впадает в это меланхоличное состояние просто как реакция на визит отца, оглядывая безликие серые стены комнаты, которые он никогда не удосужился добавить, чтобы человеческое прикосновение к его среде здесь; какой был смысл? На самом деле это было чуть больше, чем тюрьма. Тщательно замаскированный, конечно, Палпатин награждал своего драгоценного «джедая» иллюзией свободы, но они оба знали правду ... по крайней мере, в этом.

Но были и другие секреты; большая ложь ... Люк, в конце концов, учился у ног мастера. Научился скрывать стены внутри стен, чтобы исказить правду настолько, чтобы служить своим собственным целям. Чтобы оценить иронию каждого урока.

Потому что свободы, которые его Учитель так рассудительно раздал, когда награждал его джедаем командованием Флота Основной Системы, позволяя Люку избежать удушающих ограничений жизни Дворца на Корусанте и близкого присутствия его Учителя, были на самом деле предоставлены силой лжи, Ложь, совершенная тремя годами ранее и усилившая много-много раз после той роковой дуэли между его отцом и им самим. Ложь, что Люк был более чем счастлив, что его Учитель поверил; он мог предполагать, что хотел, лишь бы это дало Люку свободу, которой он так жаждал ...

Только так никогда не было. Палпатин никогда не позволял своему ценному «Волку» бежать совершенно свободно. Он просто награжден более длинной цепью. И даже это было бы мгновенно отброшено, если бы Палпатин знал правду; то, что было позволено Люку, основывалось на убеждении Палпатина в том, что он полностью контролировал своего нового сита, и во многих отношениях он признавал этот факт. Но одним из краеугольных камней этой веры было убеждение его Учителя в том, что Люк выдержал удар светового меча, который убил бы его отца из-за прямого приказа Палпатина; что его приказ перевесил единственное желание Люка.

Правда и Люк давно научились скрывать такие вещи от искомого ума своего Учителя. Истинная правда заключалась в том, что крики и приказы Палпатина, когда дуэль пришла к своему взрывному завершению, не затронули Люка ни на йоту. Если бы он хотел убить Вейдера, он бы сделал это и столкнулся с последствиями. В конце концов, это было его намерение, когда он начал дуэль.

Но что-то еще осталось в его руке в тот день, какая-то скрытая искра, какой-то приглушенный крик. Он не убил своего отца, потому что в тот момент ... он не мог. Несмотря на все, что он считал, он думал, все, что он думал все еще ... он не мог заставить себя нанести этот удар.

Был ли он слаб? Да, и он ненавидел себя за это. Но потом он ненавидел себя за многие вещи, это было просто еще одно, затерянное в толпе, и его легко игнорировать. Он больше не думал о

них. Это было слишком сложно, и их было слишком много.

Палпатин считал его бесстрашным, потому что он отвечал на любой вызов, рисковал, бросался против любого врага без колебаний.

«Мой дикий джедай», - так его снисходительно называл его Учитель, словно это было скорее похвалой, чем проклятием «Мой дикий волк».

По правде говоря, он жаждал быстрой смерти. Цепи, которые его Учитель так усердно обматывал вокруг своего драгоценного джедая, ума и души, исключали любую более легкую возможность. Но если он был слишком обязан выполнять эту работу сам, тогда другие стояли в очереди за привилегией, и хотя его Учитель хорошо его научил, Люк должен был поверить, что есть кто-то, кто был быстрее или более предан, чем он сам.

И в конце концов он встретится с ними

У него не было иллюзий, они были слишком близки к надежде, и это было давно потеряно.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/521228>